

Историография

УДК 323.27

DOI: 10.28995/2686-7648-2022-1-106-120

«Цветные революции»: отечественная историография проблемы

Александр О. Наумов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, naumov@spa.msu.ru

Дмитрий В. Демин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, demindv@spa.msu.ru

Аннотация. Целью предлагаемого исследования является анализ трудов отечественных специалистов, посвященных проблеме «цветных революций». Авторы констатируют, что свержение С. Милошевича в результате первой подобной «революции» в Сербии в 2000 г. не нашло оперативного отражения в российской историографии, и по-настоящему данный вопрос приобрел актуальность лишь после «оранжевой революции» на Украине. В целом на череду «цветных революций» на постсоветском пространстве в 2003–2005 гг. отечественная наука ответила серией статей, в которых исследователи, в основном опиравшиеся на политологические концепции транзитологии и демократизации, уделили основное внимание анализу внутренних причин и предпосылок смены режимов в Грузии, Украине и Кыргызстане. С тех пор осмысление «цветных революций» в российском научном дискурсе значительно эволюционировало, появились серьезные монографии, затрагивающие различные аспекты данного геополитического феномена. В ходе проведенного анализа наиболее значимых научных статей и монографий авторы приходят к выводу, что в настоящий момент отечественная научная мысль накопила значительный объем знаний в области изучения «цветных революций», однако возможности дальнейшего развития этого направления в России далеко не исчерпаны.

Ключевые слова: цветные революции, историография, «оранжевая революция», «Евромайдан», «революция роз», «тюльпановая революция», «арабская весна», мягкая сила

Для цитирования: Наумов А.О., Демин Д.В. «Цветные революции»: отечественная историография проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 1. С. 106–120. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-1-106-120

© Наумов А.О., Демин Д.В., 2022

“Color revolutions”. Russian historiography of the issue

Aleksandr O. Naumov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, naumov@spa.msu.ru

Dmitrii V. Demin

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, demindv@spa.msu.ru

Abstract. The aim of the proposed research is to analyze the works of Russian specialists devoted to the issue of color revolutions. The authors state that the overthrow of S. Milosevic as a result of the first such “revolution” in Serbia in 2000 was not promptly reflected in Russian historiography, and that issue really became relevant only after the orange revolution in Ukraine. In general, for a series of color revolutions in the post-Soviet space in 2003–2005 Russian science responded with a series of articles in which researchers, mainly based on the political science concepts of transitory and democratization, focused on the analysis of the internal causes and prerequisites for regime change in Georgia, Ukraine and Kyrgyzstan. Since then, the understanding of color revolutions in Russian scientific discourse has evolved significantly, serious monographs have appeared, touching upon various aspects of that geopolitical phenomenon. In the course of the analysis of the most significant scientific articles and monographs, the authors of the article come to the conclusion that at the moment Russian scientific view has accumulated a significant amount of knowledge in the field of studying color revolutions, but the possibilities for further development of the direction in Russia are far from exhausted.

Keywords: color revolutions, historiography, orange revolution, Euro-maidan, rose revolution, tulip revolution, Arab Spring, soft power

For citation: Naumov, A.O. and Demin, D.V. (2022), “Color revolutions”. Russian historiography of the issue”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 1, pp. 106–120, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-1-106-120

В начале XXI в. феномен «цветных революций» стал неотъемлемой частью мировой политики. Неудивительно, что его изучению уделяется большое внимание как в российской, так и в зарубежной историографии. При этом научное направление в рамках данной проблематики находится в стадии формирования, все еще не существует единого понимания того, какое именно событие можно считать «цветной революцией», какова ее истинная природа, где та грань, перейдя которую «цветная революция» трансформируется в «гибридную войну» современного типа и т. д.

На наш взгляд, «цветная революция» – это государственный переворот, неконституционный захват власти с использованием технологий «мягкой силы». На протяжении первых 15 лет нового тысячелетия данные операции по демонтажу политических режимов произошли сразу в шести государствах Восточной Европы, Центральной Азии и Северной Африки. Каждая из них получила уникальное название и собственную символику, которые были привязаны к объекту окружающего мира («бульдозерная революция» в Сербии 2000 г.), растению («революция роз» в Грузии 2003 г., «тюльпановая революция» в Кыргызстане 2005 г., «жасминовая революция» в Тунисе 2011 г.), цвету («оранжевая революция» на Украине 2004 г.), определенной дате («революция 25 января» в Египте 2011 г.) или собирательному образу, основанному на неких общественных ожиданиях («Евромайдан» на Украине в 2014 г.). Отличительными чертами «цветных революций» был их в целом ненасильственный характер, а также использование импортированных с Запада технологий смены режимов, которые реализовывались определенными акторами (политические партии, неправительственные организации, молодежные движения, СМИ, социальные сети) посредством различных семиотических инструментов (символы, образы, идеи, мифы).

Целью настоящей статьи является анализ основных подходов к изучению феномена «цветных революций» в отечественной историографии. Принимая во внимание массовые протесты, вспыхнувшие в Белоруссии после президентских выборов в августе 2020 г., которые официальный Минск трактовал как попытку осуществления «цветной революции»¹, а также прецеденты иностранного вмешательства во внутренние дела Российской Федерации с использованием подобных технологий, актуальность данной темы не вызывает сомнений.

Проблема «цветных революций» впервые оказалась в центре внимания отечественных специалистов в середине первого десятилетия XXI в. Причиной тому стали события в Грузии, Украине и Кыргызстане в 2003–2005 гг., закончившиеся свержением казалось бы незыблемых режимов во главе с постсоветскими автократами. Исследователи обратили внимание, что «революция роз», «оранжевая революция» и «тюльпановая революция» имеют определенные черты сходства не только между собой, но и с «бульдозерной революцией» в Сербии 2000 г. Так в российском общественно-политическом и научном дискурсе было положено начало изучению «цветных революций».

¹ Выступление Белоруссии в ООН: глава МИД о цветной революции в стране [Электронный ресурс] // Официальный сайт телевизионной программы «Вести». 27 сентября 2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/2463927> (дата обращения 29 марта 2021 г.).

Среди первых серьезных научных статей, посвященных «цветным революциям», следует отметить работу Б.И. Макаренко [Макаренко 2005], изданную спустя несколько месяцев после «тюльпановой революции» в Кыргызстане. Рассматривая феномен «цветных революций» в контексте концепции демократического транзита, автор проводит классификацию итогов посткоммунистического развития в странах бывшего соцлагеря и выделяет категорию государств, «заставших в транзите». В трех таких постсоветских государствах «цветные революции» к тому времени уже состоялись, а в России, Молдавии, Армении и Казахстане, по мнению Б.И. Макаренко, они могли с высокой долей вероятности случиться в обозримой перспективе. Специалист проводит грань между «цветными революциями» и «бархатными революциями», указывая, что последним была свойственна «мягкость» и «ненасильственность», в то время как государственные перевороты в Грузии, Украине и Кыргызстане характеризуются «яркостью, способностью в краткие сроки переломить ход событий, казавшийся неизбежным» [Макаренко 2005, с. 114]. Автор верно вычленяет некоторые причины и предпосылки «цветных революций» (утрата общественного доверия к власти, чувство обездоленности у основной массы населения, возникновение оппозиционных массовых молодежных движений), однако с выводами Б.И. Макаренко о том, что «цветные революции» были «победой над авторитаризмом прежней власти» и «мощным толчком к демократизации» [Макаренко 2005, с. 117], согласиться трудно. Кроме того, в статье прослеживается явная недооценка внешнего фактора, ввиду чего роль Запада в «цветных революциях» низводится до привлекательности его модели общественного устройства и моральной поддержки антиавторитарных тенденций.

К.М. Труевцев [Труевцев 2005] также уделил основное внимание анализу внутренних причин «цветных революций», сделав акцент на «тюльпановой революции» и беспорядках в узбекском Андижане в 2005 г. По его мнению, «цветные революции» произошли в тех государствах, где «политико-системные изъяны и структурные натяжения усугубились в ходе политического транзита и где никакие внешние факторы оказались не в состоянии компенсировать эти изъяны и натяжения» [Труевцев 2005, с. 9]. «Мелкие потрясения» – так автор называет «цветные революции» – не решили ни одной системной проблемы, но открыли социально-политический «ящик Пандоры», разбудив революционную энергию масс, которая только временно затихла после их окончания, но в будущем, по его словам, этим взрывным потенциалом могут воспользоваться самые разные силы в своих интересах.

С вышеуказанными авторами полемизирует Б.В. Грызлов, утверждавший в статье 2006 г. ««Цветные революции»: имел ли место

“демократический прорыв”?» [Грызлов 2006], что к концу 1990-х гг. транзитологическая парадигма исчерпала свой аналитический потенциал и находилась в состоянии кризиса, будучи не в состоянии объяснить причины провала демократических трансформаций в десятках стран, однако череда «цветных революций» начала XXI в. возродила у западных аналитиков надежду на возобновление демократизации в странах, считавшихся «несвободными». При этом автор справедливо отмечал, что в Сербии после «бульдозерной революции» произошло ослабление демократических институтов; пришедший к власти в результате «революции роз» режим в Грузии оказался не менее авторитарным, чем ранее; следствием же «оранжевой революции» на Украине стал системный политический кризис и громкие коррупционные скандалы. В связи с этим работы западных политологов, в которых «цветные революции» приравниваются к «демократическому прорыву» или «новой волне демократизации», Грызлов называет не очень убедительными и «не вполне добросовестными попытками анализа политических событий, с заранее заданными результатами и выводами» [Грызлов 2006, с. 69].

Оригинальный взгляд на проблему предложил специалист Института социологии РАН А.А. Галкин [Галкин 2005], отметивший связь между «цветными революциями» и процессами глобализации. По его мнению, все страны, подвергшиеся «цветным революциям», так или иначе уже «были включены в международные структуры и подвержены влиянию развертывающихся в них процессов» [Галкин 2005, с. 69]. Автор отмечал, что на динамику общественных настроений в странах Восточной Европы и постсоветского пространства, помимо внутренних процессов, воздействуют глобализационные импульсы, «экспортирующие» противоречия и проблемы внешнего мира, в том числе высокий темп накопления общественного протеста, являющийся одной из главных внутренних предпосылок всех «цветных революций». Галкин также обращает внимание на то, что глобализация привела к значительному росту взаимозависимости государств, предоставив передовым западным странам широкие возможности для воздействия на внутреннее развитие всего остального мира. Инструментами данного влияния в контексте «цветных революций» автор называет не только материально-техническое обеспечение антиправительственных сил и оказание им после захвата власти дипломатической и силовой поддержки, но и разработку ценностных установок и «идеологической атмосферы» для оппозиционных лидеров. Именно желание некоторых иностранных государств сформировать внутренние условия, необходимые для победы будущего переворота, А.А. Галкин называет обязательной внешней предпосылкой «цветных революций».

А.В. Прокофьев [Прокофьев 2008] остановился на вопросах изучения причин и условий протекания «цветных революций». Автор обращает внимание на тот факт, что все «цветные революции» на постсоветском пространстве в 2003–2005 гг. произошли в условиях устойчивого экономического роста и важным следствием улучшения положения населения стал рост социальной мобильности у некоторых общественных групп и, соответственно, формирование статусной несовместимости у многих других, что в итоге привело к широкомасштабному распространению эффекта относительной депривации. Среди других предпосылок Прокофьев отмечает отсутствие в Грузии, Украине и в Кыргызстане монолитности политической элиты, а также влияние успешного примера в виде «бульдозерной революции», после которой череда смены режимов на постсоветском пространстве прошла «как по инерции». При этом автор исключает из рассмотрения роль внешних факторов, заявляя, что «теорию “заговорщической модели”, объясняющую все революции как действие манипуляций, пропаганды, идеологии и действий агитаторов, вряд ли стоит рассматривать всерьез применительно к “цветным революциям”» [Прокофьев 2008, с. 45].

М.А. Бочанов [Бочанов 2009], напротив, полагает, что после событий 11 сентября 2001 г. США перестали полагаться «на естественный ход событий» и приступили к стратегии смены авторитарных режимов. Доминирование внешних факторов и прямое принуждение, как политическое, так и силовое, по словам Бочанова, стало ключевым отличием этой волны «демократизации» от предыдущей, для которой был характерен добровольный и сознательный выбор сохранивших свой суверенитет стран, без всякого внешнего воздействия вставших на путь демократических преобразований. Автор прямо пишет о том, что «цветные революции» разрабатывались и финансировались правительством США через различные фонды и неправительственные организации и рассматривает их как результат достаточно «продуманной и дальновидной» политики западных держав [Бочанов 2009, с. 175]. В то же время Бочанов признает, что «цветные революции» не привели к стабилизации общественно-политической обстановки и даже понизили уровень жизни в этих странах. Причину специалист видит в насильственном и механистическом способе переноса элементов, свойственных западноевропейским политическим системам, в государства, долгое время развивавшиеся в совершенно иных цивилизационных условиях.

В конце 2000-х гг., в связи с выходом нескольких монографических исследований, целиком посвященных проблематике «цветных революций», начался новый этап в отечественной историографии

проблемы. В коллективной монографии под редакцией Н.А. Нарочницкой «Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека» [Оранжевые сети 2008], в отличие от большинства вышедших ранее научных статей, прямо говорилось, что в самом начале XXI в. в Сербии и на постсоветском пространстве была применена современная технология государственного переворота, инструментами которой стали неправительственные организации, СМИ и скрытые операции западных спецслужб. Согласно авторской концепции, «цветные революции» представляют собой спланированную смену режима и приведение к власти марионеточного прозападного правительства в результате «психологической операции по обработке гражданского населения, осуществляющейся как бы самим гражданским обществом под видом демократизации и в интересах третьих лиц» [Оранжевые сети 2008, с. 55]. В работе справедливо отмечалось, что все «цветные революции» были организованы по разработанной американским политтехнологом Дж. Шарпом методике (проведение неправительственными организациями собственных экзит-полов и объявление оппозиционного кандидата победителем еще до окончания выборов, опротестование официальных результатов и мобилизация активистов для организации акций гражданского неповиновения и т. п.). В монографии содержится большое количество фактического материала, однако с рядом выводов сложно согласиться в полной мере. Дискуссионным, например, является утверждение, что «смену режима можно осуществить в любой стране, включая стабильные государства Западной Европы, при условии, что в ней достаточно людей, решившихся этого достичь» [Оранжевые сети 2008, с. 25].

В этом же году вышла в свет книга известного российского социолога С.Г. Кара-Мурзы [Кара-Мурза 2008], основной акцент в которой сделан на анализе «оранжевой революции» на Украине (в связи с чем все остальные «цветные революции» он также называет «оранжевыми»). Автор считает принципиальной ошибкой господствующее в отечественной науке представление о «цветных революциях» как о государственных переворотах. «Разорвать связи совместной исторической судьбы с Россией – разве это не революция для Украины? – пишет Кара-Мурза. – Пресекается многовековой вектор истории народа, а мы не придаем этому значения, потому что организовано это как карнавал» [Кара-Мурза 2008, с. 4]. Автор также считает заблуждением позицию многих западных политологов, утверждающих, что «цветные революции» не могли быть инспирированы США, так как, по его мнению, постсоветские республики обладали собственной легитимностью, полученной в момент крушения СССР, а потому не вписывались в новый

мировой порядок, в котором государства, «не принятые в Запад», должны получать легитимность из рук Запада – «настоящего суверена над этой территорией» [Кара-Мурза 2008, с. 150]. Еще одной особенностью позиции С.Г. Кара-Мурзы является то, что он относит «цветные революции» к революциям постмодерна и этим объясняет совершенную незащищенность перед ними традиционных национальных государств постсоветского типа, особенно тех, которые идут на сближение с Западом. Автор уделяет повышенное внимание анализу техники манипуляции сознанием, технологиям создания политического спектра, использованных организаторами «цветных революций».

В 2013 г. А.Ю. Наумова, В.Е. Авдеев и А.О. Наумов [Наумова и др. 2013] предприняли попытку системного анализа «цветных революций», произошедших на постсоветском пространстве. В поле зрения исследователей оказались вопросы социально-экономических и политических причин и предпосылок «революции роз», «оранжевой революции» и «тюльпановой революции», технологии осуществления данных госпереворотов, а также их последствия, которые, по мнению авторов, оказались однозначно негативными для Грузии, Украины и Кыргызстана. По сути, впервые в отечественной историографии сразу три «цветные революции» были рассмотрены в рамках единой системы с собственным алгоритмом действий, своей внутренней логикой и структурой, как определенная совокупность событий. Кроме того, авторский коллектив констатировал, что даже спустя десять лет после «революции роз» «современная историческая и политологическая наука находится в самом начале пути осмысления феномена “цветных революций”» [Наумова и др. 2013, с. 6].

Мощным импульсом для дальнейшего изучения данного явления стали события на Украине в конце 2013 – начале 2014 гг., начавшиеся как классическая «цветная революция», но закончившиеся кровавым вооруженным антиконституционным переворотом. Проблема демонтажа правящих режимов с помощью внешних сил приобрела особую актуальность в российском общественно-политическом и научном дискурсе. Это нашло отражение в целом ряде крупных монографических исследований, посвященных различным аспектам «цветных революций».

Специалисты в области социологии из Северо-Кавказского университета А.Э. Гапич и Д.А. Лушников [Гапич, Лушников 2014], например, обобщили и детализировали социально-политические технологии, используемые при организации и осуществлении государственных переворотов в начале XXI в. Под «цветными революциями» авторы понимают два явления: универсальную политиче-

скую технологию, позволяющую с помощью создания протестного движения сменить правящий режим; и комплекс общественных процессов, имитирующих социально-политическую революцию и приводящих к государственному перевороту. Проведя анализ «арабской весны» и украинского «Евромайдана», исследователи зафиксировали целый спектр новых технологий инициирования протестной активности и ведения информационных войн, реализуемых через социальные сети, блогосферу и Интернет-СМИ для вербовки сторонников, координирования деятельности активистов, распространения информации и политических идей. В отношении украинских событий, например, авторы справедливо замечают, что «на поле сетевого противостояния развернулась своя, не менее ожесточенная война, чем противостояние майдановцев с “Беркутом” на центральной площади украинской столицы» [Гапич, Лушников 2014, с. 5].

Доцент ВШЭ П.Е. Родькин в монографии с оригинальным названием «Революция теряет цвет» [Родькин 2015] исследует гуманитарные и коммуникационные технологии «цветных революций». Он пишет о том, что «символическая и информационная упаковка остается важным элементом медийного сопровождения («цветной революции». – А.Н., Д.Д.) и позволяет облечь государственный переворот в привлекательную форму благородного общественного протеста» [Родькин 2015, с. 103]. Подчеркивая радикализацию «цветных революций», П.Е. Родькин приравнивает «цветные технологии» к формам современного государственного терроризма и пишет, что в результате «Евромайдана» к власти на Украине пришли националисты и радикалы, безразличные к экономике и проблемам социальной сферы. Инструментами противодействия «цветным революциям» исследователь считает взятие государством под свой контроль информационной и общественной повестки, а также пресечение внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Предметом коллективной монографии О.Г. Карповича и А.В. Манойло [Карпович, Манойло 2015] стал анализ роли и места технологий «цветных революций» в процессе трансформации мировой политической системы и формирования нового миропорядка. Под «цветной революцией» авторы понимают государственный переворот, осуществленный в условиях искусственно вызванной политической нестабильности с использованием политического шантажа и молодежного протестного движения в качестве основных инструментов воздействия на действующую власть [Карпович, Манойло 2015, с. 70]. Точное совпадение сценариев «весенних революций» (к которым в данном контексте они не совсем право-

мерно относят и события в Ливии и Сирии) и «Евромайдана», по их мнению, является неслучайным и указывает на применение в этих регионах разработанной в США технологии по демонтажу политических режимов. Авторы согласны с мнением некоторых западных политологов, согласно которому Вашингтон не был заинтересован в свержении своих верных и преданных союзников, например, Х. Мубарака или проводящего в целом прозападную политику В. Януковича, однако считают, что целью американской администрации являлось создание «управляемого хаоса», при котором совершенно не важно, кто в результате победит, так как он все равно «будет в “конюшне” внешней политики Соединенных Штатов» [Карпович, Манойло 2015, с. 25]. События «Евромайдана», по мнению авторов, свидетельствуют о том, что волна «управляемого хаоса» подошла вплотную к российским границам. Для противодействия ей они предлагают комплексную систему мер, направленную на снижение рисков возникновения «цветной революции» в России.

Г.Ю. Филимонов, Н.С. Данюк и М.В. Юраков в вышедшей в 2016 г. книге «Переворот» [Филимонов и др. 2016] трактуют «цветные революции» как организованный США государственный переворот с целью «геополитической и геоэкономической перерождения государства», осуществленный с помощью умелого управления внутривнутриполитическими процессами и перенаправления социально-политической активности общества на дестабилизацию действующей власти [Филимонов и др. 2016, с. 72, 97]. Они абсолютно правильно отмечают, что свержение С. Милошевича в 2000 г. стало для Вашингтона испытательным полигоном, на котором в полной мере была опробована технология ненасильственного сопротивления, которая затем была избрана в качестве основного метода борьбы с действующими правительствами в постсоветских республиках, к которой власти Грузии, Украины и Киргизии оказались совершенно не готовы. Обращаясь к сюжетам «арабской весны» авторы указывают, что эти события структурно и технологически значительно эволюционировали по отношению к «цветным революциям» 2000–2005 гг., фиксируя в них (помимо зарекомендовавших себя ранее технологий) использование механизма обратной связи, позволившего «управлять политической нестабильностью не только в рамках отдельно взятой небольшой страны, но и в масштабах целого региона» [Филимонов и др. 2016, с. 77]. Еще одним инновационным прорывом, на который обращают внимание Филимонов, Данюк и Юраков, стала стратегия разрушения традиционной структуры общества через внедрение свойственного западной культуре индивидуализма и атомизации социума, позволившая применять технологии управления массовым сознанием.

В рамках отдельной монографии Н.С. Данюк [Данюк 2018] изучает проблему влияния «цветных революций» на современную систему международных отношений. Он определяет этот феномен как особую форму политического вмешательства, направленную «на создание конфликтного потенциала в целях государственного переворота и смены государственной власти, принципиально меняющего основание ее легитимности» [Данюк 2018, с. 157]. Автор выявляет соотношение роли внутренних и внешних факторов в генезисе «цветных революций» и доказывает, что возникновение протестных движений не имело корреляции с экономическим состоянием государства, однако после государственного переворота положение населения неизменно ухудшалось. Исследователь считает, что деструктивные технологии «цветных революций», направленные на решение внешнеполитических задач без комплексного применения военной силы, являются составной частью современной военно-политической концепции «гибридной войны», а в контексте российско-американских отношений они стали одной из главных причин резкого усиления конфронтации, напоминающее эпоху «холодной войны».

Параллельно монографическим исследованиям, разумеется, продолжали выходить научные статьи по теме «цветных революций», среди которых особое внимание, на наш взгляд, заслуживают работы теоретико-методологического характера [Наумов 2017; Бобринев, Федулов 2018; Керимов, Вербицкая 2019; Костина 2019; Наумов 2019; Наумов, Демин 2020; Тлепцок 2019; Цветкова 2019]. Авторы разбирали само понятие «цветной революции», пытались определить место данной концепции в современном общественно-политическом дискурсе, подвергали сравнительному анализу подходы отечественных и зарубежных исследователей к вопросу о причинах «цветных революций», рассматривали их как угрозу государственному суверенитету и т. д.

В заключение следует отметить, что изучение феномена «цветных революций» в отечественной научной среде прошло определенную эволюцию. В середине – второй половине 2000-х гг. российские авторы во многом следовали западной парадигме и рассматривали «цветные революции» с точки зрения политологических концепций транзитологии и демократизации, пытаясь осмыслить их суть через анализ внутренних причин и предпосылок. Однако данный подход оказался слишком узким и натолкнулся на определенные сложности, так как объяснить их происхождение исключительно совокупностью эндогенных факторов оказалось крайне затруднительно. Кроме того, такая методология не позволяла ответить на вопрос, почему в одних государствах «цветные революции»

произошли, а в других, мало отличавшихся в области политического и социально-экономического развития и обремененных грузом аналогичных проблем, попытки государственных переворотов провалились. В конце 2000-х гг. после выхода нескольких научных монографий наступил новый этап в российской историографии проблемы. Авторы стали обращать внимание на технологичность этих событий, анализировать деятельность участвовавших в операциях по смене режимов акторов, разбирать используемые ими инструменты, уделять повышенное внимание роли внешних факторов в возникновении «цветных революций» и их итоговой победе. Новый импульс этому дискурсу в отечественных исследованиях придали «весенние революции» в арабских странах в 2011 г. и, особенно, украинский «Евромайдан», завершившийся кровавым госпереворотом в феврале 2014 г.

В целом на сегодняшний день отечественная наука значительно продвинулась в сфере изучения различных аспектов «цветных революций». В то же время на повестке дня все еще остро стоит необходимость проведения всестороннего, комплексного и системного анализа данного феномена всеобщей истории начала XXI в. И хотя такие попытки уже предпринимались [Наумов 2016], не вызывает сомнения, что российская историография проблемы имеет большой потенциал для дальнейшего развития.

Литература

- Бобринев, Федулов 2018 – Бобринев К.С., Федулов М.В. Понятие «цветной революции» и ее особенности // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2018. № 1 (14). С. 170–174.
- Бочанов 2009 – Бочанов М.А. «Цветные революции» на постсоветском пространстве в контексте четвертой «демократической волны» // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2 (11). С. 171–177.
- Галкин 2005 – Галкин А.А. Глобализация и политические потрясения XXI века // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 53–70.
- Гапич, Лушников 2014 – Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. М.: Изд. центр РИОР, ИНФРА-М, 2014. 126 с.
- Грызлов 2006 – Грызлов Б.В. «Цветные революции»: имел ли место «демократический прорыв»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. «Философия. Политология. Социология. Психология. Право. Международные отношения». 2006. № 3. С. 64–69.
- Данюк 2018 – Данюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 527 с.
- Кара-Мурза 2008 – Кара-Мурза С.Г. Оранжевая мина. М.: Алгоритм, 2008. 240 с.

- Карпович, Манойло 2015 – *Карпович О.Г., Манойло А.В.* Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 111 с.
- Керимов Вербичкая 2019 – *Керимов А.А., Вербичкая Т.В.* Концепция цветной революции в политической науке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 154–161.
- Костина 2019 – *Костина А.В.* «Мягкая сила» как «жесткая сила»: «цветные революции» // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 171–183.
- Макаренко 2005 – *Макаренко Б.И.* «Цветные революции» в контексте демократического транзита // Мир перемен. 2005. № 3. С. 107–124.
- Наумов 2016 – *Наумов А.О.* «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2017. 274 с.
- Наумов 2017 – *Наумов А.О.* «Цветные революции» – угроза государственному суверенитету современных государств // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 1 (13). С. 36–45.
- Наумов 2019 – *Наумов А.О.* «Цветные революции»: отличие от революций великих // Трансформация феномена революции в XX–XXI веках: от революций классических к революциям «цветным» / Ред. С.В. Богданов, А.О. Наумов. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2019. С. 139–154.
- Наумов, Демин 2020 – *Наумов А.О., Демин Д.В.* К вопросу о причинах «цветных революций»: взгляд из России и из-за рубежа // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2020. № 4. С. 66–81.
- Наумова и др. 2013 – *Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве. СПб.: Алетей, 2013. 164 с.
- Оранжевые сети 2008 – Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб.: Алетей, 2008. 208 с.
- Прокофьев 2008 – *Прокофьев А.В.* Причины и условия протекания «цветных» революций на постсоветском пространстве // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 7. С. 31–48.
- Родькин 2015 – *Родькин П.Е.* Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. М.: Совпадение, 2015. 120 с.
- Тлепцок 2019 – *Тлепцок Р.А.* «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Вып. 4 (249). С. 60–71.
- Труевцев 2005 – *Труевцев К.М.* «Цветные революции» и террористическая угроза в центральной Азии // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2005. № 2. С. 5–21.
- Филимонов и др. 2016 – *Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С., Юраков М.В.* Переворот. СПб.: Питер, 2016. 480 с.
- Цветкова 2019 – *Цветкова Н.А.* Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 940–950.

References

- Bobrinev, K.S. and Fedulov, M.V. (2018), “The concept of the ‘color revolution’ and its features”, *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk*, no. 1 (14). pp. 170–174.
- Bochanov, M.A. (2009), “‘Color revolutions’ in the post-Soviet space in the context of the fourth ‘democratic wave’”, *Central Russian Journal of Social Sciences*, no. 2 (11), pp. 171–177.
- Danyuk, N.S. (2018), “*Tsvetnye revolyutsii*”. *Ot teorii k praktike* [“Color Revolutions”. From theory to practice], YUNITI-DANA, Moscow, Russia.
- Filimonov, G.Yu., Danyuk, N.S. and Yurakov, M.V. (2016), *Perevorot* [Coupe d'état]. Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Galkin, A.A. (2005), “Globalization and the political upheavals of the twenty-first century”, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 53–70.
- Gapich, A.E. and Lushnikov D.A. (2014), *Tekhnologii tsvetnykh revolyutsii* [Technologies of color revolutions], RIOR, INFRA-M, Moscow, Russia.
- Gryzlov, B.V. (2006), “‘Color revolutions’. Was there a ‘democratic breakthrough’?”, *Vestnik of Saint Petersburg University, Series 6 “Philosophy. Political Science. Sociology. Psychology. Law. International Relations”*, no. 3, pp. 64–69.
- Kara-Murza, S.G. (2008), *Oranzhevaya mina* [Orange mine], Algoritm, Moscow, Russia.
- Karpovich, O.G. and Manoilo, A.V. (2015), *Tsvetnye revolyutsii. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov* [Color revolutions. Theory and practice of dismantling modern political regimes], YUNITI-DANA: Zakon i pravo, Moscow, Russia.
- Kerimov, A.A. and Verbitskaya, T.V. (2019), “The concept of the color revolution in political science”, *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. “History. Political science” Series*, vol. 46, no. 1, pp. 154–161.
- Kostina, A.V. (2019), “‘Soft power’ as ‘hard power’. ‘Color revolutions’”, *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1. pp. 171–183.
- Makarenko, B.I. (2005), “‘Color revolutions’ in the context of democratic transit”, *The World of Transformations*, no. 3. pp. 107–124.
- Naumov, A.O. (2016), “Myagkaya sila”, “svetnye revolyutsii” i *tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka* [“Soft power”, “color revolutions” and technologies of changing political regimes at the beginning of the 21st century]. ARGAMAK-MEDIA, Moscow, Russia.
- Naumov, A.O. (2017), “‘Color revolutions’ – a threat to the state sovereignty of modern states”, *Bulletin of Stoletovs Vladimir State University, Series: Social and Human studies*, no. 1 (13), pp. 36–45.
- Naumov, A.O. (2019), “‘Color revolutions’. The difference from the great revolutions”, in Bogdanov, S.V. and Naumov A.O. (eds.), *Transformatsiya fenomenov revolyutsii v XX–XXI vekakh: ot revolyutsii klassicheskikh k revolyutsiyam “tsvetnym”* [Transformation of the phenomenon of revolution in the 20th–21st centuries: from classical revolutions to “color” revolutions], ARGAMAK-MEDIA, Moscow, Russia, pp. 139–154.
- Naumov, A.O. and Demin, D.V. (2020), “On the question of the causes of the ‘color revolutions’. A view from Russia and from abroad”, *Moscow University Bulletin, Series 21 “Public administration (state and society)”*, no. 4. pp. 66–81.

- Naumova, A.Yu., Avdeev, V.E. and Naumov, A.O. (2013), *"Tsvetnye revolyutsii" na postsovetском prostranstve* ["Color revolutions" in the post-Soviet space], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Narochitskaya, N.A. (ed.) (2008), *Oranzhevye seti: ot Belgrada do Bishkeka* [Orange networks. From Belgrade to Bishkek], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Prokof'ev, A.V. (2008), "Causes and conditions of the "color" revolutions in the post-Soviet space", *Proceedings of Kazan University, Humanities Series*, no. 7. pp. 31–48.
- Rod'kin, P.E. (2015), *Revolutsiya poteryala tsvet. "Tsvetnye revolyutsii" 2004–2014: gumanitarnyi i kommunikatsionnyi fenomen voyny novogo tipa* [The revolution has lost its color. "Color Revolutions" 2004–2014. The humanitarian and communication phenomenon of a new type of war], Sovpadenie, Moscow, Russia.
- Tleptsok, R.A. (2019), "Color Revolutions'. Theoretical concept and political practice", *Bulletin of Adyghe State University, Series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*, no. 4 (249), pp. 60–71.
- Truevtsev, K.M. (2005), "Color revolutions' and the terrorist threat in Central Asia", *Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics "Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast"*, no. 2, pp. 5–21.
- Tsvetkova, N.A. (2019), "Color Revolutions Discourse", *Post-Soviet Studies*, no. 2, pp. 940–950.

Информация об авторах

Александр О. Наумов, кандидат исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр., д. 27/4; naumov@spa.msu.ru

Дмитрий В. Демин, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ломоносовский пр., д. 27/4; demindv@spa.msu.ru

Information about the authors

Aleksandr O. Naumov, Cand. of Sci. (History), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Lomonosov Avenue, Moscow, Russia, 119192; naumov@spa.msu.ru

Dmitrii V. Demin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Lomonosov Avenue, Moscow, Russia, 119192; demindv@spa.msu.ru

Критика и библиография

УДК 325.2

DOI: 10.28995/2686-7648-2022-1-121-133

Новые книги о российском зарубежье XX в.: северокавказская диаспора в Европе

Виталий Ф. Ершов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ershov_vf@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена критическому обзору двух книг, посвященных особенностям становления и общественной жизни, а также персоналиям северокавказской диаспоры в Европе XX в.: монографии «Северокавказские эмигранты во Франции» и биографическому словарю «Северокавказцы в эмиграции в XX в.». Рецензент отмечает, что их автор Ирина Бабич ввела в научный оборот разнообразный, ценный в информационном отношении комплекс материалов французских архивов, создав на этой основе целый ряд историко-этнографических исследований северокавказских общин Европы 1920–1930-х гг. В рецензируемой монографии автор анализирует социальную структуру, повседневную жизнь и культуру эмигрантов с Северного Кавказа, прибывших во Францию в различные периоды XX в. Значительный научный интерес представляет выполненное на основе архивных источников исследование общественно-политических движений и религиозной жизни северокавказских общин. Подготовленный исследовательским коллективом в составе И.Л. Бабич, Т.А. Гладковой и Л.А. Мнухина биографический словарь рецензент предлагает рассматривать как дополнение к широко известной серии научно-справочных изданий по истории российского зарубежья во Франции, выпущенных в 1990–2000-е гг. под руководством Л.А. Мнухина. Рецензируемые издания в совокупности вносят важный вклад в дальнейшее освоение проблематики российского дальнего зарубежья в Европе, раскрывая в то же время потенциал новых тематических ракурсов в разработке данной большой темы, связанной с историей народов России, тенденциями современного глобального развития, трансформацией понятия «диаспора» в международной гуманитарной науке.

Ключевые слова: эмигрантоведение, кавказоведение, российское зарубежье, международные миграции, Франция, северокавказская диаспора, архивная россика

Для цитирования: Ершов В.Ф. Новые книги о российском зарубежье XX в.: северокавказская диаспора в Европе // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 1. С. 121–133. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-1-121-133

© Ершов В.Ф., 2022

ISSN 2686-7648